

Владимир Маканин Сюр в пролетарском районе

Человека ловила огромная рука. Человек этот, слесарь Коля Шуваев, работал в заводской мастерской — скромный слесарек, обычный, не выпивающий часто. Возвращаясь с завода, рабочие довольно долго ехали в переполненном троллейбусе, а уже на троллейбусной остановке расходились кто куда — Коля поворачивал к общежитию; и там, где ему входить в свою общагу, в подъезд № 3, он оставался на какую-то минуту один. В эту самую минуту откуда-то сверху огромная (такая, что Коля мог весь уместиться в ее ладони) рука вдруг хватала его. Коля вырывался, шмыгал в подъезд и бегом, бегом, с колотящимся сердцем подымался к себе на второй этаж.

В их подъезде за входной дверью имелся как бы предбанник, незанятый пятючок пространства, а уже за ним вторая входная дверь вела непосредственно внутрь. Тем самым в предбаннике слева сам собой образовался пустой угол, который, конечно, использовался — там стояли лопаты, метла, а в эти дни туда прибавились после демонстрации флаги, которые парни поставили там наспех на пару дней и которые затем следовало вернуть в профком. Лопаты, метла, а теперь еще и скрученные флаги от частого хлопанья дверью сползали, лежали на полу поперек, и Коля каждый раз боялся, что на бегу споткнется.

Перепрыгивая сползшие лопаты, он стремительно распахивал вторую дверь, а рука гналась за ним. Не сумев схватить, рука успевала своим здоровенным пальцем больно поддать Коле в задницу или в спину, словно бы бревном; после удара слесарек вбегал по ступенькам наверх, как будто им выстрелили из пушки. Но дома он был уже в безопасности.

Впрочем, в последнее время оказалось, что в собственной комнате тоже следует быть осмотрительным. У Коликой подружки Клавы была здоровая привычка спать с открытым настежь окном. (Крепко сбита молодая женщина, повар по профессии, много часов возле жаркой плиты — ей даже ночью казалось, что в комнате душно. Коля, напротив, ночью зяб.) В ту ночь Клаву мучала жажда; вероятно, она проснулась, пила воду и вновь открыла окно. Но может быть, он и сам попросту забыл прикрыть. Среди ночи Коля почувствовал, что его давят. Он подумал, что Клава, повернувшись во сне, неловко придавила его плечом, но нет, Клава спала отодвинувшись, спала от него в стороне (раскинулась там от жары). И тут же Коля почувствовал, как его придавили огромные два пальца. Рука не могла пролезть в окно,

но два своих пальца просунуть вполне могла и ими (каждый палец как подвижное короткое бревнышко) искала его, нащупывала в постели. Вскочив, Коля схватил первое, что попало ему под руку (Клавин зонтик, с которым она пришла), и ударил, а затем ткнул в один из огромных пальцев. Зонтик не игла, но все-таки достаточно остер, и ткнул им Коля с большой силой и яростью. Нашаривающие пальцы отдернулись. От боли огромный палец подсогнулся и стал уползать в открытое окно, за ним и второй. Рука убралась. Коля стоял у окна. Он еще подрагивал. Он выкурил сигарету, выдыхая дым в ночное окно, и лег наконец снова в постель рядом с Клавой, которая в темноте белела большим своим телом.

Слесарек лег к ней ближе и, не в силах себя унять иначе, стал ее обнимать, немного тискать, одной рукой ворошил груди, другую запустил вниз. «Да ну тебя, Колька! Дай же покоя!..» — ворчала она, потом уступила, продолжая спать. Он заснул только под самое утро. Лежал на боку, глаза открыты, думал — как же быть?..

Рука подстерегла его в обеденный перерыв (он выскочил из мастерской, чтобы забежать в гастроном — у магазина полно народу, значит, продукты есть). Купив, Коля решил, что с продуктами он забежит сначала к себе в общагу, забросит их в холодильник. Но на улице он оказался один. День солнечный, обеденное время, а вот ведь ни души. И непонятен был тот миг и переход (никакого особого мига и перехода тут и не было), когда рука вдруг упала сверху и, прихватив Колю кончиками огромных пальцев, стала душить, сдавливая грудную клетку и перебираясь через его плечи уже к горлу. Взвизгнув, слесарек вырвался, толщ пальцев и некоторая их неповоротливость дали ему возможность ускользнуть среди пустой улицы. Коля припустил бегом, влетел в общежитие и, прыгая через несколько ступенек, к себе на этаж — в комнату.

Десяток купленных яиц был «почти весь раздавлен. Буханка свежего хлеба смялась в лепешку, масло (дефицит) расплющилось и через лопнувшую обертку заляпало и сумку, и левый бок его рубашки. (Вечер — это вечер. Но вот так откровенно, среди бела дня рука никогда прежде не нападала.) Коля минут десять не мог сладить с нервами. Однако надо было идти в мастерскую. Коля топтался у выхода, ждал, курил, и только когда сразу трое или четверо ребят, пообедав, повалили из общежития на работу, он вышел вместе с ними. На работе было спокойно. Сдельщики трудились, не покладали рук. В мастерской Коля поднял валявшийся там металлический штырь. Штырь был полуметровый, довольно тонкий, но в конце рабочего дня Коля еще дополнительно заточил его на всякий случай. Взял с собой. Ничего. Мало ли куда и зачем идет слесарь с металлическим штырем. После работы он зашел к Клаве в столовку, их столовой на ужин выделили сердце да кровь. А мясо, видно, уплыло куда-то на сторону (в чем и доход).

«Ишь внимательный: мясца свежего захотел! Убоинки, а?» — засмеялись поварихи. А Коля ничего не хотел. Просто сказал, что думал. Он сел поодаль, ждал Клаву.

Две большие плиты, а значит, восемь конфорок, поварихи заняли одновременно — в восемь сковород на огне (в шесть темных, чугунных, послуживших уже лет сто, и в две белые, легкие, вполне современные) наливали для жарки кровь. Клава черпала в ведре большой деревянной ложкой и, не выплескивая, осторожно выливала кровь, заполняя каждую сковороду примерно на треть. Вторая повариха рубила лук. Кровь, как известно, лучше жарить с луком, все-таки вкус крови не так шибает в нос. «Но зачем же отбивать вкус? Вдруг кто-то любит со вкусом», — говорила вторая повариха. «С луком лучше», — отвечала Клава, продолжая зачерпывать и разливать. Кровь в черные чугунные сковороды вливалась неприметно, как в темноту, а в две другие лилась, ало заливая белое дно; от кача сковороды кровь отступала волной, и белизна дна вновь обнажалась. «Где твой слесарек? Чего скучает?!» — спросили Клаву разговорчивые поварихи, после чего Коле, сидевшему без дела, конечно же подсунули порубить сердце на все восемь сковородок. Клава вынимала сердце той же деревянной ложкой — громоздкое, скользкое и все в стекающей крови. На четыре части рубить было легко, но развалить надвое каждую четвертинку уже надо было стараться. Нож был не слишком остер, куски отползали, но в конце концов Коля порубил достаточно мелко, и вторая повариха, подхватив, ссыпала куски туда и сюда. Плюхнувшись на сковородку, куски немедленно погнали кровь от края к краю мелкими волнами. Огонь сделали сильнее, пошел запах. Стояло легкое марево. И как только дверь на кухню распахивалась, марево со всех восьми сковородок клонилось в одну и ту же сторону. Дверь прикрывали, и опять кровь курилась ровно; как восемь озер, спокойных и неподвижных, подумал слесарек с некоторым интересом. Пламя сделали жарче, и кровь сворачивалась. Пузыри лопались, пригорая. Восемь озер, как восемь полей сражений, задымились, заволоклись гарью, и было похоже, что вступили наконец в дело пушки.

Час, если не больше, просидел Коля в ожидании, но когда пришел шеф-повар, выяснилось, что работа в столовой не кончена — девочки остаются, Клава в их числе. Приехали ведомственные деятели: надо кормить. Деньга последнее время даются с трудом. Да, да, снова варить вермишель и рис обязательно, они любят рис. Шеф-повар принес два здоровенных куска говядины, нашлось-таки мясо, сделайте, девочки, им по бифштексу, только не слишком старайтесь, когда будете нарезать порции!..

И шеф засмеялся:—

Чтобы нам самим тоже мясо осталось. Понятно?

Было понятно.

Готовить начали заново, дело предстояло долгое (Клава сказала, чтобы Коля ее не ждал — она припозднится, но к ночи, конечно, придет). Коля ушел.

Он долго ехал в троллейбусе.

Возле дома было уже темно, и только светила одна-единственная лампа над входом в общежитие. Коля уже прошагал темное пространство: все тихо. Он решил, что опасное позади. Он уже стал насвистывать, когда услышал шум воздуха, сильную воздушную волну.

Рука была тут как тут. В полутьме она, вероятно, потеряла Колю, но теперь, опередив его, стремительно влезла в открытую дверь общежития, шарила там, засунув три огромных пальца (обычно ей удавалось просовывать два). Коля приготовил штырь, подумал, не ткнуть ли. Но не решился — боль придала бы руке активность и злость. Было проще проскочить меж шарящих пальцев (рука их то всовывала внутрь, то вновь медлительно вынимала — искала вслепую), и Коле бы, конечно, удалось, если бы он чуть смелее прыгнул. Третий палец хотя и мешал тем двум пальцам, шарившим в пространстве предбанника, однако ведь елозил там и загораживал вход. А коща Коля прыгнул, штырь, который он придерживал, каким-то образом в тесноте стал поперек пальцев; Коля запнулся, успел бросить штырь и успел даже проскочить в подъезд, но упал.

Огромные пальцы тут же прихватили его за ногу, вытащили наружу, и здоровенный ноготь, овальное матовое зеркало, придвинулся прямо к его лицу.

Затем- Колино лицо стали вдавливать в это зеркало. Нос, брови, губы — все сплюснулось. Слесарек задергался, но к матовому огромному ногтю его лицо придавливали все сильнее. Пальцам мешали их собственные размеры, а Коля бился изо всех сил, дергался, молотил в воздухе ногами и в конце концов все-таки выскользнул. На четвереньках он бросился к входным ступенькам, в то время как рука, ища потерянное, возила пальцами по асфальту совсем рядом.

В этот миг Коля увидел свою кепку, упавшую с головы еще в самую первую минуту атаки, — с яростью он вдруг кинулся за кепкой, моя, мол, кепка, подхватил ее, а с ней схватил и штырь, лежавший рядом, и теперь, вооружась, колол, и бил, и снова колол большое светло-серое мясо. Из синих ранок хлынули ручьи крови. Рука замерла, пальцы болезненно отдернулись, а Коля, сколько мог сильно, уколол еще. Рука убралась из входа в общежитие — на этот раз она убралась рывком, а Коля в приливе смелости выскочил вслед, размахивая штырем как шпагой. Получив тут же удар, он рухнул в какую-то лужу возле входа, с него вновь слетела кепка. Но уже миновало —рука убралась совсем. Коля встал. Он поднялся к себе в комнату и там, возле умывальника, смывал грязь с лица, с ободранных в падении колен. А хорошо, что я сунул ей штырем под ноготь, думал Коля, умываясь и все еще подрагивая.

Поговорить бы теперь, выпить бы пивка с Валерой Тутовым — вот чего хотелось Коле. (Валера Тутов был смел, его любили бабы, он общался с разными интеллигентами, и вообще он много чего в жизни знал или хотя бы слышал — к тому же они как-никак кореша. Друг это друг.) Но Валера Тутов был в отпуске. Так что в пустой вечер ничего не оставалось кроме как ждать Клаву. Коля вздохнул. Клавка тоже хороший человек — с Клавой они собирались пожениться.

Томясь, Коля пошел в общежитскую гостиную — в длинную общую комнату на первом этаже, где телевизор и уже рассаживались пришедшие с работы мужики, занимая места и возбужденно споря: ожидался футбол. Но на экране пока еще тянулись кадры пустыни, куда-то брели цепочкой верблюды, желтые пески лежали до самого горизонта. Кой с кем из мужиков Коля поздоровался, посидел с ними, посмотрел на перекатывающиеся с ветром по пустыне белые песчинки (мало-помалу, песчинка к песчинке — так передвигались целые барханы и заносили города!), но потом он все же не усидел, заскучал и еще до футбола вернулся в свою комнату, лег ничком на постель, ожидая Клаву, Клава теперь не скоро. (Начальство любит поесть как следует и не спеша.) Коля задумался уже о другом: он не знал, как ему быть и как жить с этой вот гонящейся за ним рукой. Не идти же к врачу. Врач заставит подробно рассказывать. Врач запишет. Коля был простой слесарь, но он, конечно, понимал, что сказать про огромную руку — стыдно. Ведь черт знает что. Ну как скажешь, хотя бы и Клавке?..

Он стал вспоминать, как началось. Вроде бы во время обеда в столовой (в их заводской столовой) он приострил взгляд и увидел у какого-то мужика здоровенную правую руку. Коца присмотришься, у всех мужиков правая рука сильнее. Да, хлебал щи. Когда мужик поел и пошел, Коля смотрел ему вслед не отрываясь — казалось, мужик идет и уважительно несет свою правую. Такая тяжелая!.. А после (на другой день) был тот плакат. Большущий и в ярких красках плакат: могучая трудовая рука расставляла там йо всей нашей стране то высокие дома, то детсады и школы, даже красивые кафе, а внизу подпись:

ХОРОШО СТРОИШЬ —

ХОРОШО ЖИВЕШЬ! —

так вот понятно и доходчиво призывал плакат строителей. Рядом с тем плакатом стоял строительный кран, настоящий, работающий кран (или, может быть, позади плаката висел еще один большой плакат, где строительный кран был нарисован? — в этом Коля сомневается, он уже не помнит), а под стрелой крана на строительных лесах уже почти возведенного высокого дома работали монтажники. Там, на высоте (это он помнит), двое монтажников не поладили — отложив сварочные аппараты, оба они кричали, размахивали руками, и один из них вдруг оступися. Либо он забыл закрепить строительный пояс, либо застежка пояса попросту не сработала. С высоты строящегося дома сорвавшийся

человек летел с криком вниз, скорость падения росла, крик замер, так что уже с пресекшимся дыханием человек падал на землю и несомненно бы разбился, как вдруг рука — вот та, огромная, которая высокие дома, школы и даже кафе расставляла по зеленому полю, — подхватила и бережно так опустила сорвавшегося строителя на гору песка возле бетономешалки. Такая вот сильная рука... Коля заснул, не додумал мысль до конца.

— Чего это спишь в такую рань?! — Клава пришла спустя, может быть, час. Она растолкала его, подняла. И как ни утомлена она явилась из дымной своей столовки, сказала, что хочет сегодня в кино — пойдем, пойдем, Колька, скорее...

Напяливая кепку и зевая, Коля сказал: — Я и без того каждый день кино вижу.

Коля привыкал: выйдя, скажем, утром на улицу и заметив, что в эту минуту он посреди улицы один, он скорым шагом преодолевал пустое место и торопливовыходил к троллейбусу, (Где на остановке всегда стояли люди и было безопасно.)

Он приспособился быстро переходить, перебегать на другую сторону проулка ближе к школе, так как ограда школы состояла из железных стержней с нацеленными кверху остриями, и руке там (а рука обрушивалась всегда сверху) приходилось вести себя сдержанно. Рука объявлялась мигом, она словно бы свешивалась с высоты соседнего дома, что в шестнадцать этажей, и падала стремительно вниз, растопыривая пальцы и уже с ходу этими пальцами ища и ловя, но Коля бежал, прыгал (он изворотливо бежал и лэвко прыгал, как ускользящий маленький человечек), делая ложные движения и нехитрые финты на укоротившемся проулке, с тем расчетом, чтобы рука с маху налетела на столб фонаря, накололась на острия школьной ограды и отдернулась, (А он тем временем уже проскакивал к шумной улице, к остановке троллейбуса, где шел или стоял народ.)

Ночью Коля спал, в общем, спокойно, положив, однако, под кровать свой штырь. Если среди нечи окно оказывалось открыто и через сон Коля слышал возню шарящей огромной руки, он просыпался (Клаву не будил, даже слова неговорил), опускал свою руку с постели на пол, брал штырь и, сонный, едва разлепив глаза, наносил удар в один из пальцев, целя пониже овального матового ногтя. Рука убиралась восвояси, после чего Коля отворачивался к стене, продолжая прерванный сон. Жизнь есть жизнь, и если какой-то вопрос никак не удастся решить, человек живет с этим вопросом бок о бок. Живет вместе с вопросом, вот и все. Ночь шла. Коля спал. Не услышавшая шума Клава тоже спала, как всегда крепко.

Они сидели вдвоем, они налили себе еще по полстакана — Катя и его приятель, компрессорщик Валера Тутов, вернувшийся наконец из отпуска.

— Мне всякая чушь мерещиться стала. Башка такой дурной сделалась, охренеть можно, — осторожно начал Коля. (Он решил: он расскажет Валере про гонящуюся руку. Если же разговор не получится, он объяснит Валере после, что был пьян и молот чепуху. Сойдет за пьяную болтовню.)

Вернувшийся с отдыха Валера Тутов ответил: — Это погода дурная. Я тоже работать не могу. Сиж у компрессоров — и беспрерывно бабы, бабы, бабы в глазах... С ума сойти!

Коля: — Ха-ха. Бабы!.. Мне вместо баб рука мерещится. Рука. Гоняется за мной, хоть в психбольницу беги!

На деле же рука была вполне реальна, однако осмотрительный Коля так и сказал для виду и для начала — мерещится..

Компрессорщик Валера Тутов ответил строго. Напустил на себя: — А знаешь, это хорошо. Каждому человеку сейчас должна большая рука мерещиться. Порядку больше будет...

Но сам же, строгости своего тона не выдерживая, хохотнул:

— Это, ха-ха-ха, называется — сюр.

— Что?

— Валера рассказал, что, когда в прошлом году он со своим коленом лежал в привилегированной больнице, где ему вырезали мениск, он слышал, как врачи обсуждали меж собой всякие такие случаи и психические сдвиги. (Валера любил щегольнуть незнакомым словом. Коля насторожился по иной причине — слово «психический» тянуло само за собой неприятное слово «больной».) Надо обдумать, продолжал Валера. Надо к самому себе присмотреться.

Коля налил еще по полстакана, портвейн шел неплохо.

— Что еще врачи говорили? —

Говорили, у каждого в жизни бывает момент, когда его потрясает. Р-раз — и человек шизанулся».

Они выпили.

К ним подошли молодые женщины из их общежития, стали дергать: «Сколько можно болтать?!», «Смотрите, как они расселись на этой скамеечке: сами пьют и сами болтают, ох уж этот Валера!», «Валерочка! Неужели в отпуске ты мало пил?» — так они трепались, с просветлением на лицах, а из общежития уже слышалась музыка. Молодые женщины организовали в этот вечер дискотеку. (Танцевали с другой стороны длинного пятиэтажного общежитского здания — там в основном жили женщины-текстильщицы, отдельный вход.) То ли просто воскресный день, то ли у них намечался какой-то праздник — было неясно. Но было ясно, что разговору они помешают. Женщинам хотелось танцевать.

— Мы о врачах говорим, — мрачновато ответил им Коля, отваживая.

— О врачах?! —

Молодые женщины захихикали.

Одна из них все-таки увела Валеру Тутова. Коля посидел на скамейке один, подумал о Клаве — не пойти ли к ней в столовку?.. Нет, надо еще пообщаться с Валерой. (Друг есть друг. Ведь Коля его ждал. Ведь как приятно — встретить человека и немного нагрузить его своей жизнью, мол, понеси теперь ты...) Коля решил, что их разговор не закончен. Он зашел к себе в комнату, прихватил там еще одну бутылочку портвейна (из припасенных загодя; бормотуха, а пилась сегодня неплохо) и тоже отправился туда, где танцевали.

Он пригласил какую-то молоденькую, помаленьку тискал ее в танце и все обдумывал сказанное Валерой. Разговор ведь вполне получился. Оказывается, можно и про такое поговорить. И не пугающее слово нашлось: сюр.

Стоять у подоконника было удобно, можно было о подоконник опереться и поглядывать в окно на деревья — все собравшиеся в зале (это был кинозал) танцуют, шумят, ходят суетливо туда-сюда, а вы двое с ними и в то же время чуть в стороне от них: пьете себе портвешок и поглядываете в окно. Стаканы и бутылки аккуратно стояли за фикусом. Пилюсь хорошо. И говорилось тоже свободно.

— Я — человек вертикальный. Я много думаю о смысле жизни. Я люблю женщин. Я все до единого смотрю кинофильмы. То есть духовно я богат, и поэтому сверху, то есть со стороны духовности, я защищен. А вот от людей — до горизонтали — мне надо опасаться всяческих ударов, — так развивал свою мысль компрессорщик Валера Тутов.

— А я? — спрашивал слесарь Коля.

— А вот ты как раз человек бытовой, горизонтальный. Ты любишь поесть, ладишь со своей Клавой, уносишь домой подворованную ею печенку, потаскиваешь мешки с картошкой — у тебя по горизонтали все хорошо получается само собой. Ты живешь как трава. Бытовой малый. У тебя все замечательно. Но за это изволь оплатить проезд! — а значит: жди удара по вертикали...

— Так, что ли? —

Слесарь Коля медленным движением провел рукой перпендикулярно земле.

— Примерно так. Сверху» Для тебя, поскольку ты отлично устроился на земле, опасность с неба, понял? Не сбоку опасность, а сверху.

Они выпили еще понемногу. — Здорово идет портвейн, а?

— Да. Вкусный. Но скоро кончится... Во всем районе водки нет.

— Барда-аак! —

Не нравится мне эта опасность сверху, — вздохнул Коля, имея в виду руку, бросавшуюся на него откуда-то с крыш многоэтажных домов.

— А мне? — саркастически хмыкнул Валера Тутов. — Мне тоже не слаще: только и жди удара от людей.

Музыка гремела, танец за танцем следовали теперь беспрерывно, — Валера

Тутов нет-нет и отправлялся отплясывать (забытый твист он тоже отменно танцевал), так что разговор шел, подстраиваясь под веселье, — урывками. Коля впал в задумчивость. В словах Валеры, как всегда, была какая-то незнакомая новизна. Нет, Коля не испугался. Он, в общем, уже привык к огромной руке, привык и даже приспособился к преследованию: он сможет прожить и сам по себе, без объяснений, но все же лучше, когда есть такие слова (когда эти слова расставят твои заботы на известные или понятные места).

— Ты, Коля, не скисай, — когда они еще выпили по полстакана, повел разговор Валера. — Знаешь, что может обозначать рука? Да что угодно!.. Мне один интеллигент говорил, что любовь к нему всегда приходит в виде старухи.

Такой знак. Ты стоишь, например, в очереди, вдруг тебя тихо-тихо кто-то сзади трогает за плечо — оглянулся: старушка стоит. С авоськой. Или с сумкой, обыкновенная старушка. Это значит, что к тебе скоро придет любовь.

Коля ответил: — Да у меня уже Клавка есть.

— Кла-авка. Да таких, как Клавка, знаешь сколько!

Коле стало немного досадно, но затем он согласился: и точно, Клавка одно

а любовь, может совсем другое...

Коля вдруг воодушевился: —

Слушай! Может, и точно — старуха?.. Ведь она одной рукой меня ловит? Одной! Две ее руки меня бы сразу поймали. Но рука — одна, а значит, во второй руке у нее авоська. Или сумка. Огромная такая старуха. Это же потрясающая штука! —

Воображение вспыхнуло, слесарек Коля сделался весь красен.

Он представил себе огромную старуху, и ведь каким-то образом она ходит на своих огромных ногах. Ножищи у нее небось как колонны!.. Коле (в парах портвейна) нравилось думать об этом: грандиозная, дурацкая такая декорация! как в кино!

Но Валера его уже не слушал.

— Кто это? — спрашивал Валера Тутов.

Спрашивал — и указывал глазами на крепкую и пышную телом молодую женщину: она пришла с новой, только что ввалившейся в общежитие компанией. В кинозале, где танцевали, стало тесно. Стулья вынесли вон. Компания, как выяснилось, принесла с собой выпивки. Общага вновь зашумела, загудела.

Пышная молодая женщина с несколько необычным именем Васса, так сразу поразившая своей внешностью Валеру Тугова, оказалась новенькой — из тех, поселившихся в их общежитии совсем недавно. Валера пригласил ее танцевать и уже не отпускал. Он умело прижимал ее в танце, постанывал, но она была сдержанна, молчала; когда он целовал, она отворачивала от него лицо и вместе с лицом губы. Валера ловил правильную минуту, но Васса тотчас отворачивалась от него

вновь (в тот самый момент). Свет в зале был почти полностью потушен. Музыка врубили на полную мощность.

В пришедшей и расположившейся на стульях компании оказался рослый рабочий из строителей: он, видно, пришел прямо со стройки (даже свою спецовку не успел снять). Работяга сидел близко от Коли и, выпив водки, деловито закусывал тем, что вынесли наскоро текстильщицы из своих комнат. То сырок плавленный он ловко разрезал на два, то двигал к себе банку с рыбными консервами и, нажимая на хлеб, выедал банку до дна.

Коле надоело следить в толпе танцующих за Валерой и за его новой молодой женщиной, и теперь в поле зрения попал этот энергично закусывающий строитель, точнее — его рука. (Она казалась больше обыкновенной руки: сильная, вся в буграх. Правая.) Но не обман ли оптический? — Коля стал поглядывать на свою руку, сравнивая, а также на руки парней, что так слаженно танцевали с девчонками в полутьме. Строитель сидел себе на стуле и продолжал жевать, уминая теперь салат, — правда, работяга сидел ближе, а другие парни были поодаль, так что и тут могла быть оптика и самообман. Вот ведь ручища! —

Коле хотелось подойти, познакомиться и, например, спросить, как, мол, у вас с жильем для строителей и прочее, — а главное, знакомясь, пожать эту руку. Строитель как раз доел салат, поднялся из-за стола и пошел на этаж к женщинам-текстильщицам.

Но проходил он рядом, и Коля хватанул его за рукав спецовки.

— Ты чего? — дернулся мужик.

Коля не отпустил. Напротив, схватил за руку и стал несильно крутить.

—

Ты чего-о? —

взъярился строитель.

— А ничего.

Строитель чуть шагнул в сторону и двинул Колю левой (Коля уже его отпустил) — от удара Коля успел уклониться; пришлось вскользь. Мужик ушел.

Коля улыбался: рука строителя оказалась обычной, рука как рука.

Войдя в общежитие, Коля не успел даже открыть вторую входную дверь, с такой стремительностью ему пришлось отскочить в угол, где стояли лопаты.

(Его едва не сбило ударом.) Но дальше внутрь рука за ним проскочить не смогла.

Коля стоял прижавшись к углу, а огромные пальцы тянулись к нему, его почти касаясь. (Но все же не доставая. Хорош сюр, думал Коля.) Он вжимался в стену, а рука эластично изворачивалась, стараясь еще как-то всунуться во вход подалее, поглубже, входная дверь потрескивала от давления. Пальцы сгруппировались, чтобы всунуться еще на чуть, но слесарек, уже угадавший подкоркой, что вот-вот придет страшная

минута, изловчился и рванул на себя вторую входную дверь — в угаданный момент перегруппировки пальцев он сам бросился меж них в нутро подъезда, даже и стукнувшись об один из пальцев, как об огромный белый мешок с мукой. И — был уже на ступеньках, вне досягаемости.

Валера Тутов шел в это время, взволнованный до чрезвычайности, провожать Вассу. Молодая женщина ему сказала, что ей уже пора, уже поздно, и случай провожания уже сам по себе представлялся Валере удачей. (Васса делила комнату с подругой, а та, тоже новенькая, как раз сегодня куда-то уехала.)

Валера обольщал. Валера говорил вкрадчиво. Валера говорил смело и дерзко, а потом уже и напрямую рвался к Вассе в комнату, уговаривая и стоя у дверей таким образом, чтобы при малейшем положительном знаке втиснуться внутрь.

Известная заповедь общежития: не зевай — имеет в виду неписаное правило: если молодая женщина тебе очень нравится, значит, она очень нравится и другим (если она новенькая и в общежитии недавно — дорог каждый час). Однако Васса не пустила. В конце концов она даже ударила Валеру Тугова по лицу. Пришлось уйти. Из растревоженной его души всю долгую ночь никак не уходил образ красивой и пышной женщины, особенно же во взволнованной памяти осталась одна замечательная часть ее тела. Эта часть тела была у Вассы непропорционально велика (но не уродливо велика, вовсе нет!).

Какая мощь! какие глыбы! — улыбался Валера. Он посмеивался. А забыть не мог. Он и на работе, возле гудящих, компрессоров, думал о Вассе. Поразившая часть ее пышного тела все время стояла перед глазами.

Вечером Валера Тутов пригласил ее в кино — не вышло. Отказ. С этой минуты Валера уже томился. Он вдруг чувствовал себя слишком взволнованным и чистым душой, что, сказать по совести, его угнетало. Высокие (вертикальные) порывы своей души он ценил, он очень ценил, но, коща дело касалось отношений с женщиной, он им не доверял: после высоких порывов он делался робким. И себя за это не уважал. «Ангел, — цедил он сквозь зубы. — Ангел, и крылышки скоро вырастут...» Нужна была водка, нужно было как следует напиться, что Валера и сделал, зайдя к кому-то из знакомых мужиков в комнату (он просто заглянул на шум голосов за дверью — там пили).

С кем-то он ссорился, кому-то клялся в дружбе. Но и напившийся, Валера Тутов продолжал часом позже шляться по общежитию, томясь и все еще чувствуя себя летающим ангелом. (Пора было на землю. Да, да, следовало уже заземлиться и огрубиться, душа слишком рвалась вверх.) Валера не знал, как быть, но его заплетающиеся ноги, кажется, знали. Ноги его вели. Бесцельно бродя по общежитию, Валера случайно попал как раз в тот изгиб коридора, где жили текстильщицы

возрастом сильно постарше. К ним можно было прийти и совсем пьяным. Можно было матюкаться, даже драться.

Туда он и пришел. Он еле различал глазами безликую, серую женщину. (Зато жила одна. И чисто. И закуска всегда есть.) А она, глядя на Валеру Тутова, качала головой и говорила: «Ух, хоро-оош...» — однако час был поздний, и, хотя Валера Тутов был сильно пьян, безлика и серая женщина лет сорока была сейчас в сомнении относительно того, как поступить. Она колебалась: выставить из комнаты его немедленно, дав пинка? или, может, сделать совсем наоборот — дать ему крепкого чаю и привести в чувство, приласкать да и уложить с собой в постель до утра? Она его примечала в общежитских коридорах и раньше. Молоденький. Но ничего мужичок, крепкий. Стодится. Она размышляла, а Валера Тутов, тоже молча, сидел, клевал носом, вот-вот грохнется со стула, однако же, ситуацию тоже прочувствовав, он не уходил: хотелось ласки. Ждал.

«Ти-ли-ти». —

«Что?» «Ти-ли-ти, — произнес Валера и наконец, давясь звуками, старательно выговорил: — Тилиливизр», — мол, включи телевизор, буду смотреть. Мол, мне хочется. Он как бы с некоторым опережением входил в роль будущего ее сожителя.

— Небось к молодым пьяный не пошел. Она его корила. Валера Тутов кивал тяжелой башкой, соглашался — ведь правда. Ведь никогда таким пьяным к Вассе или к другой из молодых женщин он не пойдет. Он бывал у них немного выпивший, бывал крепко выпивший, но ведь не валяющийся с ног. А сейчас он валяющийся.

— Деньги у тебя на дорогу есть? — спросила женщина. Он кивнул.

— Хочешь, такси тебе вызову?..

Он помотал головой — объяснить ей, что он, Валера Тутов, живет здесь же, в этом же общежитии, но только вход с другой стороны, сил не было.

— Чаю, — попросил он.

И вот эта, в сущности, пустяковая его просьба (он еле выговорил: «Чаю...») оказалась счастливым, посланным свыше случаем: Валера Тутов выпил подряд три чашки горячего чая, вполне отошел и заулыбался тяжелыми губами. Он словно бы стал другим. Он улыбался (мускулы лица еще двигались плохо, но уже поддавались). Он поправил воротничок рубашки и — поблагодарив за чай — вдруг ушел. И еще тяжеловеская его улыбка не сошла с лица, как тут же, за изгибом коридора, он столкнулся с Вассой, очень спокойной, домашней, в халате, молодая женщина несла с кухни из общего холодильника бутылку молока.

Тут Валера сразу устремился за ней, вошел-таки в комнату, и начались объятия, поцелуи. Дверь Валера закрыл, захлопнул, но свет они не включили, потому что Васса не успела даже протянуть к выключателю руку, так стремительно парень ее обнял. Бутылка молока упала,

разлилась в темноте, но Валера все мял Вассу, целовал, даже поскрипывал зубами и стонал. На этот раз она не прятала губ, тоже целовала, обнимала его и позволяла ему трогать и мять все, что ему хотелось, за исключением разве что той волнующей части ее тела, которая у нее была несколько велика. (Вероятно, инстинктивно Васса оставляла себе хоть какую-то пядь, чтобы чувствовать себя не совсем и не сразу сдавшейся.

Без умысла, разумеется, и отчасти потому, что ощущала повышенный интерес к пышности своего тела.) Неумышленная ее самозащита, обычная для всякой молоденькой женщины, стала в данном случае ее торжеством и ее победой и... завершением свободной жизни Валеры Тутова. Валера уже не мог жить без этой красивой и пухлой женщины, он должен был иметь. На другой день он и Васса подали заявление в загс.

Они пили чай с душистым земляничным вареньем, которое Вассе прислали ее родные с Тамбовщины. А потом снова и снова с радостью, с дрожью ожидания спешили в постель. Но уже и сравнительно спокойно лаская ее в подсказанные минуты страсти или в минуты краткой передышки, Валера Тутов все еще только добирался до заветного своего желания. Васса Тутова не совсем понимала мужа. (Она нет-нет и пугалась его порывов именно от непонимания.) Наконец в одну из последних ночей медового месяца, уже в третьем часу сумасшедшей ночи, она ему позволила, усталая и смирившаяся. Он стал тискать, мять, припадать, кусать, постанывая и, кажется, даже рыча: «Сюр... Сюр... Сюр!..» — с нарастанием в голосе, которое тоже звучало все более торжественно и победно и которое кончилось, однако, вдруг плохо. Сердце его зачастило, зачастило и дало неритмичный внутренний удар и затем еще один столь сильный удар со сбоем, что Валера так и застыл лежа, полураскрыв рот, с ощущением, что ему на грудь въехал старый тяжелый танк.

Васса ойкнула, вскочила и довольно долго и трудно кой-как натягивала на голого Валеру брюки, потому что не понимала, как же иначе позвать сюда людей. Взывая, вскрикивая, сначала в одной только комбинации, затем накинув халатик, Васса металась по коридору, как мечутся в подобных случаях все молодые жены, вопя и недоумевая. И быть бы большой беде, если бы в своих метаниях по общежитским комнатам она в ряду других случайно не влетела в ту комнату за изгибом коридора, где жила неброская с виду текстильщица лет сорока. Женщина сразу сообразила, что парень много пил и много себе позволял и что, разумеется» сердце. Влила ему в рот вместе с водой размятую в порошок таблетку нитроглицерина, окно настежь, всех охающих и глазающих из комнаты вон, а Вассу поторопила за «скорой помощью» к телефону.

Валеру Тутова, с выкатившимися глазами и разинутым ртом, осторожно перенесли на пол и стали спасать приехавшие бородачи в

белых халатах. К утру Валера пришел в себя, и его забрали в больницу. Только через три или четыре недели он, счастливый, вернулся к Вассе. Тем временем рука продолжала гоняться за слесарьком, в своих атаках ничего не меняя. А Коля продолжал жить чутко. (Лишь шорох, шуршание выдавали движение огромного гибкого существа, быстро спускающегося и как бы падающего на Колю с высоких крыш шестнадцатиэтажных башен, соседствующих с их общежитием.) В тот обеденный перерыв рука, преследуя, как-то замешкалась у входа и, сунувшись внутрь, неловко застряла пальцами в дверях. Коля проскочил легко.

Уже стоя на ступеньках лестницы, он подумал, что злить ее, неловкую сегодня, все-таки не следует, но одновременно со здоровой мыслью озорства ради Коля спустился с безопасных ступенек, пнул ботинком в огромный указательный палец и опять отскочил. (Баловство! Косая черная черта легла поперек пальца. Носок ботинка был в темной от мазута строительной грязи.) Руке не сделалось больно, Колин ботинок — это же не отточенный штырь. Но рука убралась. Она как-то непонятно и Лениво убралась, с медлительной затаенной угрозой.

Валяй-валяй! — прикрикнул слесарек в отваге.

Когда вечером они вместе возвращались с работы, Клава, как всегда первая, в простоте судьбы уже вошла в общежитие а Коля был у входа, у дверей, и лишь на миг задержался: он подумал, купил ли на ночь сигареты. Тревогу Коля почувствовал своевременно и даже шорох характерный уже слышал, но колебался — и тут рука с лету схватила его. Рука передвинула Колины плечи в самые кончики своих пальцев и стала душить (Коля энергичным образом высвобождался, выкручивался), боясь упустить, рука перебросила его в ладонь, прихватила и сжала, сначала несильно, потом вдруг со всей мощью. Из бедною Коли брызнули его мозги; и вообще вся его теплая жидкость, какая ни была: кровь, мозги, лимфа, моча, пот — все вместе таким цветным сгустком выскочило из него вверх, к облакам, а кожа и кости, его остатки, были минутой позже выброшены через дома на окраину железнодорожной станции, в тупик: (Где лежали вповал пахучие шпалы и где ржавели старые вагоны. Почти им под колеса.)